

DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2)EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP)

МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: Рославцева, М. В. Мотивационные аспекты демографического поведения населения постсоветских стран // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 3. С. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.3.2). EDN [CVCFOP](https://www.edn.ru/CVCFOP).

Аннотация. В статье дан комплексный анализ взаимосвязи между основами мотивационной деятельности человека, представленными в виде ключевых ценностных ориентациями (отношение к семье, субъективное здоровье, удовлетворенность жизнью) и ключевыми демографическими показателями (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, естественный прирост и др.) в странах постсоветского пространства на основе данных World Values Survey (WVS) и национальной статистики за 1990–2021 гг. Проведен расчет коэффициентов корреляции Пирсона между динамикой различных категорий ответов на вопросы о ценностях и изменениями демографических индикаторов для стран бывшего СССР, в которых полнота имеющихся данных позволяла осуществить подобные расчеты: России, Украины, Армении, Кыргызстана и Узбекистана. Полученные результаты свидетельствуют о наличии сильных и статистически значимых связей между изменениями субъективного благополучия и демографической ситуацией: укрепление семейных ценностей и рост удовлетворенности жизнью находят свое отражение в таких статистических тенденциях, как увеличение рождаемости и снижение смертности, тогда как ослабление традиционных установок связано с демографическим спадом. Обсуждаются механизмы обнаруженных зависимостей, их интерпретация в контексте теории второго демографического перехода. Полученные результаты сопоставляются с зарубежными исследованиями по данным WVS и позволяют сделать вывод о важности ценностных установок населения в качестве мотивационных основ для достижения успехов в рамках государственной демографической политики, так как прослеживается статистическая взаимосвязь между ценностями и итоговым демографическим поведением. Данное заключение относится к мерам, связанным не только с репродуктивными установками и рождаемостью, но и с субъективным самочувствием граждан и их самосохранительным поведением.

Ключевые слова: ценности, демографические показатели, семья, здоровье, удовлетворенность жизнью, World Values Survey, страны постсоветского пространства, корреляционный анализ

Введение

Настоящее исследование посвящено вопросу о том, как изменения ценностных ориентаций находят свое практическое отражение в демографических процессах на территории постсоветских стран. Объектом исследования выступает демографическое поведение жителей этих стран, а предметом – его мотивационная составляющая. Данный регион представляет интерес, поскольку с момента распада Советского Союза общества этих стран прошли через сложный этап трансформации, а кроме того, они находятся на пути ко второму демографическому переходу. Цель автора научной статьи – проанализировать статистическую взаимосвязь между показателями ценностных ориентаций (на примере отношения к семье, самооценки здоровья и удовлетворенности жизнью) и ключевыми демографическими индикаторами (численность постоянного населения, коэффициенты естественного прироста, миграционного прироста, брачности, разводимости, смертности и младенческой смертности, а также суммарный коэффициент рождаемости)

в некоторых постсоветских странах. Выбор показателей обусловлен их универсальностью для анализа демографической ситуации в стране, наличием данных по ним для всех изучаемых стран. Однако стоит отметить, что подобные исследования имеют определенные ограничения. Они связаны, прежде всего, с тем, что данные, необходимые для корреляционного анализа, имеются не у всех стран. Мы рассматриваем показатели по пяти странам экс-СССР: Армении, Кыргызстану, России, Узбекистану и Украине. Наш выбор обусловлен тем, что только эти страны участвовали в международных исследованиях ценностей в разные годы три и более раз, что позволяет проследить динамику ценностных показателей. В работе проверяется, соответствуют ли изменения ценностных установок изменениям таких демографических показателей, как рождаемость, смертность, естественный прирост, брачность, разводимость и пр. Наше исследование построено на корреляционном анализе: мы не утверждаем наличие прямых причинно-следственных связей, тем не менее выявленные статистические зависимости позволяют выдвинуть гипотезы о возможных взаимовлияниях ценностей и демографических процессов, произвести сравнительный анализ обнаруженных взаимосвязей в разных странах. В рамках исследования автор выдвигает следующие гипотезы: 1. Демографические показатели естественного и миграционного движения населения отражают ценностную структуру и приоритеты данного общества. 2. Рост самооценки удовлетворенности жизнью и увеличение важности семьи в ценностной модели отдельной страны приводит к росту рождаемости, брачности и снижению разводимости. 3. Субъективная оценка здоровья растет в результате улучшения качества медицинского обслуживания, что находит свое отражение в статистике смертности и младенческой смертности.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном сопоставлении динамики ценностных ориентаций и демографических тенденций на постсоветском пространстве. Полученные результаты дополняют существующие работы зарубежных ученых, выполнявших подобные анализы на материалах Европейского и Всемирного исследования ценностей, и позволяют сделать выводы об общих и специфических чертах постсоветских стран в данном контексте. Что позволит применить выводы исследования в рамках демографической ценностно-ориентированной политики России и ряда других стран постсоветского пространства, а также использовать рассмотренную методологию для дальнейших научных изысканий.

Обзор научной литературы

Демографическое поведение представляет собой сложное, многоаспектное понятие. В рамках настоящего исследования мы опираемся на позицию, где демографическое поведение описывают «как систему взаимосвязанных действий (поступков), направленных на изменение или сохранение демографического состояния общности людей, другими словами, это действия, связанные с воспроизводством населения (брачное, репродуктивное, миграционное и самосохранительное поведение)» [1]. Мотивационными аспектами демографического поведения, таким образом, выступают факторы, побуждающие индивида совершать действия,

включенные в состав демографического поведения. Прежде всего, в рамках данной статьи нас интересует один из наиболее глубоких аспектов мотивации – ценности.

Ценности как общефилософская категория имеют ряд трактовок. Одним из вариантов является подход к системе ценностей на основе определенного критерия. Например, ценности рассматриваются с точки зрения способствования полной и активной жизни. Другая точка зрения трактует ценности как идеалы, отраженные в личном и общественном сознании. Последняя группа теорий представлена практическим подходом, где ценности понимаются как жизненные цели или ориентиры [2]. В рамках настоящего исследования нами использован взгляд, который сочетает в себе второй и третий подходы к ценностям, иначе говоря, как идеалы трансформируются в жизненные цели.

Лидирующие позиции иерархии ценностей имеют схожий характер в большинстве культур: семья, здоровье, счастье и т. п. Соответственно, настоящая статья анализирует данные, полученные в ходе исследования этих важнейших ценностей. Семья занимает центральное место в системе ценностей большинства обществ. По данным международных сопоставительных исследований ценностей, абсолютное большинство людей во всем мире считает семью очень важной частью своей жизни [3]. Даже процессы модернизации и глобализации, приводящие к культурным изменениям, не отменяют устойчивости традиционных ценностей, особенно связанных с семьей [4]. Так, результаты Всемирного исследования ценностей показывают, что, несмотря на значительные социальные перемены, во многих странах сохраняется приверженность семейным ценностям на высоком уровне [3]. Однако, как уже было отмечено выше, ценностные модели в настоящее время подвержены трансформации: к примеру, в ряде обществ молодежь проявляет в большей степени эгалитарные и индивидуалистические установки, тогда как старшие поколения остаются более традиционными [5].

Не менее важный приоритет жизни человека, который также является показателем уровня его жизни, это здоровье. В некоторых исследованиях данный показатель в ценностной модели населения занимает даже более высокие ранговые позиции, чем установки на семью [6]. Общеизвестно, что субъективная оценка самочувствия коррелирует с объективными показателями здоровья населения. Так, например, в разных странах и культурах, где люди оценивают свое здоровье как плохое, статистика смертности выглядит менее благоприятно: низкая самооценка здоровья становится сильным предиктором повышенной смертности [7]. Это доказывает, что субъективные оценки здоровья чаще всего отражают реальную ситуацию здоровья населения и состояние системы здравоохранения.

Еще один показатель, проанализированный в нашей статье, – уровень удовлетворенности жизнью. Проведенные исследования подтверждают тесную связь с социально-экономическими условиями и благополучием: в более развитых странах и в периоды социально-экономической стабильности уровень счастья и удовлетворенности выше, тогда как периоды социальных кризисов сопровождаются ростом недовольства и снижением субъективного благополучия [8; 9].

Особый интерес представляет вопрос о том, как изменения ценностных ориентаций сопряжены с демографическими процессами. Теория второго

демографического перехода предполагает, что рост секулярных и индивидуалистических ценностей ведет к снижению рождаемости и поздним бракам [10; 11]. Эмпирические исследования подтверждают, что в обществах с более современными, эмансипативными ценностями, как правило, наблюдается более низкая рождаемость. В работе И. О. Курыло показано, что индекс эмансипативных ценностей статистически обратно связан с числом детей у респондентов [12]. С другой стороны, традиционные установки на семью могут поддерживать более высокую рождаемость.

В исследовании Т. С. Карабчук и А. П. Кечетовой выявлена когортная разница между наиболее молодым и более пожилым населением европейских стран. Для наиболее молодых когорт обнаружена более сильная положительная связь между приверженностью семейным ценностям и числом детей, тогда как у старших поколений влияние ценностей на реализованную рождаемость слабее [13]. Это позволяет предположить, что для молодежи мотивационный фактор ценностных установок (например, важности семьи, неприятия аборт и разводов) в репродуктивном поведении выше, а у старших поколений число детей в большей степени определялось социально-экономическими факторами [13]. Зарубежные исследования также показывают, что дифференциальная рождаемость может влиять на изменение ценностного профиля общества. Группы населения, придерживающиеся наиболее консервативных семейных взглядов, зачастую имеют более высокую рождаемость, благодаря чему при взрослении нового поколения доля приверженцев традиционных семейных ценностей, полученных через воспитание, в обществе не уменьшается, а может даже численно расти¹.

Однако, существуют исследования, показывающие возможность несоответствия между ценностями и поведением. Американский социальный психолог Р. Лапьер пришел к выводу о том, что декларируемое и реальное поведение часто может расходиться на практике [14]. В процессе путешествия со своими азиатскими друзьями психолог без проблем мог поселиться вместе с ними в отель или воспользоваться услугами ресторана. Однако, связавшись с этими организациями спустя год и уточнив у них, готовы ли они обслужить представителей азиатской расы в своем заведении в эпоху расовой сегрегации в США, многие из них ответили отказом. Несмотря на оспариваемую научность тех методов, которые использовал Р. Лапьер в своем эксперименте, его выводы сложно подвергнуть сомнению: желаемое и реальное поведение людей действительно часто расходятся. Причины такого несоответствия являются важным предметом исследований, в первую очередь в социальной психологии, поскольку напрямую связаны с социально-одобряемым поведением.

Постсоветские страны вызывают особый интерес для изучения связи ценностей и демографии. За последние десятилетия эти общества претерпели резкие социально-экономические изменения: «шоковую терапию» в процессе перехода к рыночной экономике и, как следствие, снижение уровня жизни в 1990-е гг., миграционные волны, изменение роли института семьи и т.п. На этом фоне

¹ Why 'family-values' conservatism persists in the United States // EurekAlert : [сайт]. 23.03.2020. URL: <https://www.eurekalert.org/news-releases/496345> (accessed on 26.07.2025).

происходила и трансформация ценностей. Согласно данным опросов, в 1990-е гг. в некоторых странах наблюдались рост пессимизма, снижение доверия и удовлетворенности жизнью, а кроме того, некоторые изменения в семейных установках. Так, в России и на Украине в 1990-е гг. отмечались резкое снижение рождаемости и одновременно рост доли людей, неудовлетворенных своей жизнью, ухудшение субъективного здоровья [15]. В то же время ценность семьи оставалась высокой, хотя институционально семьи стали менее стабильными (увеличилось число разводов, внебрачных рождений и т. д.) [16].

Подводя итог обзору научной литературы и теоретических источников, укажем на то, что интересующие нас исследования взаимосвязи ценностей и поведения людей проводились, прежде всего, в странах Западной Европы и США, что создает потребность в продолжении этого научного направления на постсоветском пространстве.

Методология и методы

В анализе использованы два типа показателей за период 1990–2020 гг.: социологические данные опросов и официальные демографические показатели. Социологические данные получены из массивов Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS) и Европейского исследования ценностей (EVS) для пяти постсоветских стран – Армении, Кыргызстана, России, Узбекистана и Украины. Данные этих опросов, посвященных ценностной проблематике, отражают мотивационную основу демографического поведения. Для каждой из этих стран были доступны результаты нескольких волн опросов (от 3 до 8 временных точек в 1990–2019 гг.). Выбор показателей и стран по данным WVS обусловлен наличием используемых вопросов и исследуемых стран по меньшей мере в трех волнах исследования. Мы сфокусировались на трех группах вопросов из раздела ценностных ориентаций и субъективного благополучия как наиболее важных основах мотивации.

Важность семьи – вопрос о том, насколько важна семья в жизни респондента. Ответы измерялись по 4-балльной шкале: «Очень важна», «В целом важна», «Не очень важна», «Не важна вовсе». Практически во всех странах подавляющее большинство опрошенных выбрало варианты «очень» или «в целом» важна, что соответствует глобальной тенденции высокой значимости семьи [3]. Тем не менее, доли респондентов по категориям несколько различаются между странами и меняются во времени. Особенно показательны сдвиги по категориям «не очень важна» и «не важна вовсе», на которые мы обратим внимание.

Субъективная оценка здоровья – вопрос самооценки состояния собственного здоровья. Шкала ответов: «Очень хорошее», «Хорошее», «Удовлетворительное», «Плохое», «Очень плохое». Этот индикатор отражает самочувствие и восприятие здоровья населением. Предшествующие исследования показали, что самооценка здоровья достаточно чутко реагирует на реальные изменения в здоровье и доступности системы здравоохранения, а также она сама по себе служит сильным предиктором смертности [7].

Удовлетворенность жизнью – вопрос общего субъективного благополучия: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», с оценкой по шкале от 1 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). Данный вопрос

является стандартным для многих международных исследований и часто используется в качестве индикатора «счастья» или субъективного качества жизни.

Для каждой комбинации «страна–вопрос–категория ответа» из указанных выше мы рассчитали долю респондентов, выбравших данный вариант ответа, в каждый год опроса. Таким образом, для каждой страны были получены временные ряды (в динамике по волнам опросов) долей ответов. Например, доля респондентов в России, указавших «Очень важна» в 1990, 1995, 2006, 2011, 2017 гг. (всего 5 точек); доля респондентов на Украине, оценивших свое здоровье как «Плохое» (8 точек, с 1996 по 2020 гг.) и т. п.

Официальная статистика по демографии взята из межгосударственной базы данных СНГ². В исследование включены следующие показатели по каждой стране (при наличии данных): численность постоянного населения (тысяч человек), суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину), общий коэффициент смертности (на 1 000 населения), коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших до 1 года, на 1000 рождений), общий коэффициент естественного прироста (разность рождаемости и смертности, на 1 000 населения), коэффициент миграционного прироста (разность иммиграции и эмиграции, на 1 000 населения), коэффициент брачности (число браков на 1 000 населения) и разводимости (число разводов на 1 000 населения). Эти показатели отражают основные демографические процессы: рождаемость, смертность, брачность и разводимость, миграцию. Данные брались за годы, соответствующие времени проведения опросов или максимально близкие к ним по времени (так, если опрос проводился зимой 2011–2012 гг., использовались показатели на конец 2011 г.).

Для количественной оценки связи между ценностными показателями и демографическими индикаторами был использован коэффициент корреляции Пирсона. Корреляция вычислялась для каждого фиксированного сочетания «вариант ответа – демографический показатель» по временным рядам внутри каждой страны. Иными словами, проверялась теснота связи между динамикой доли определенной категории ответов и динамикой демографического показателя в данной стране. К примеру, рассчитывался коэффициент корреляции между временным рядом доли лиц, считающих семью «очень важной», и временным рядом суммарного коэффициента рождаемости для России; аналогичный коэффициент – для доли ответов «не важна вовсе» и рождаемости в России, и т. д. При этом число наблюдений (N) для корреляции равно числу доступных пар точек (годов) для данной страны. В наших расчетах N варьирует от 3 до 8.

Результаты

Важность семьи и демографические показатели

Несмотря на то, что практически каждый опрошенный во всех странах считает семью важной, мы обнаружили некоторые статистические связи между долей ответов определенной категории и демографическими трендами. В табл. 1 приведены коэффициенты корреляции между долей респондентов, назвавших семью «очень

² База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

важной», и показателями брачности и разводимости для четырех стран (для Узбекистана соответствующие данные для построения корреляции недоступны, т. к. сведения отсутствуют).

Таблица 1

Корреляция между долей ответов «семья очень важна» и демографическими показателями брачности и разводимости по странам

Table 1

Correlation between the proportion of “family is very important” responses and demographic indicators for marriage and divorce by country

Страна	«Очень важна», браки на 1 000	«Очень важна», разводы на 1 000
Армения	+0.995	+0.731
Кыргызстан	+0.662	+0.999
Россия	+0.153	+0.242
Украина	+0.742	-0.883

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ³

Как видно из таблицы, в Армении и на Украине наблюдается положительная высокая связь между долей тех, для кого семья «очень важна», и коэффициентом брачности ($r=0,99$ и $r=0,74$ соответственно). Иначе говоря, в периоды, когда в названных странах больше людей особо подчеркивали первостепенную важность семьи, это могло мотивировать их регистрировать больше браков. Одновременно на Украине доля респондентов с установкой «семья очень важна» обратно контрастно связана с разводимостью ($r=-0,88$): по мере укрепления значимости семьи в сознании людей показатель разводов снижался. Это согласуется с гипотезой, что усиление семейных ценностей сопровождается стабилизацией семей, что статистически отражается уменьшением разводов. В Армении связь доли «очень важна» с разводимостью положительная ($r=0,73$), что на первый взгляд противоречит ожиданиям. В Кыргызстане обнаружена исключительно высокая положительная корреляция между долей «очень важна» и разводимостью ($r=+1,00$). Это означает, что в имеющиеся точки наблюдения в Кыргызстане и в Армении рост значимости семьи парадоксально совпадал с ростом числа разводов. Такая ситуация может отражать противоречие между декларацией социально одобряемой ценности семьи и реальным изменением семейного поведения под влиянием урбанизации, экономических факторов, изменения роли женщин и других факторов. Вероятно, даже очень традиционные общества в период перехода переживают рост разводимости, но при этом респонденты продолжают декларировать высокое значение семьи, т. е. ценность семьи скорее выражается риторически и не предотвращает распад браков в сложных социальных условиях. Такой эффект уже был описан нами выше и носит название «парадокс Лапьера».

В России связи доли «очень важна» с браками/разводами оказались слабее ($r=+0,15$ и $+0,24$, т. е. практически отсутствуют). Это объяснимо тем, что в стране

³ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

значимость семьи практически не колебалась – изначально почти все считают ее важной, а количество браков и разводов менялись под влиянием экономических факторов. И тем не менее даже в России можно отметить любопытную закономерность: доля людей, считающих семью совсем не важной (т. е. полностью отвергающих ценность семьи, хотя их число составляет менее 1%), показала весьма тесную обратную связь с рождаемостью. В периоды, когда в стране несколько увеличивалась доля респондентов, для которых семья «не важна вовсе» (что наблюдалось в кризисные 1990-е гг.), суммарный коэффициент рождаемости снижался; а когда доля совершенно не семейно-ориентированных людей уменьшилась (2000-е гг.), рождаемость выросла. Корреляция между долей ответов «не важна вовсе» и суммарной рождаемостью для России составила $r=-0,99$. На рис. 1 это отображено графически: видна почти линейная отрицательная зависимость – при снижении доли крайне нигилистичного отношения к семье (с $\sim 0,7\%$ в 1995 г. до $\sim 0,25\%$ в 2006 г.) рождаемость поднялась с 1.3 до 1.8 детей на женщину. На графике показаны доля респондентов, выбравших ответ «Семья не важна вовсе» (по оси x , в % от общей численности опрошенных), и суммарный коэффициент рождаемости (по оси y) для России по годам опросов. Наблюдается сильная отрицательная корреляция ($r=-0,99$).

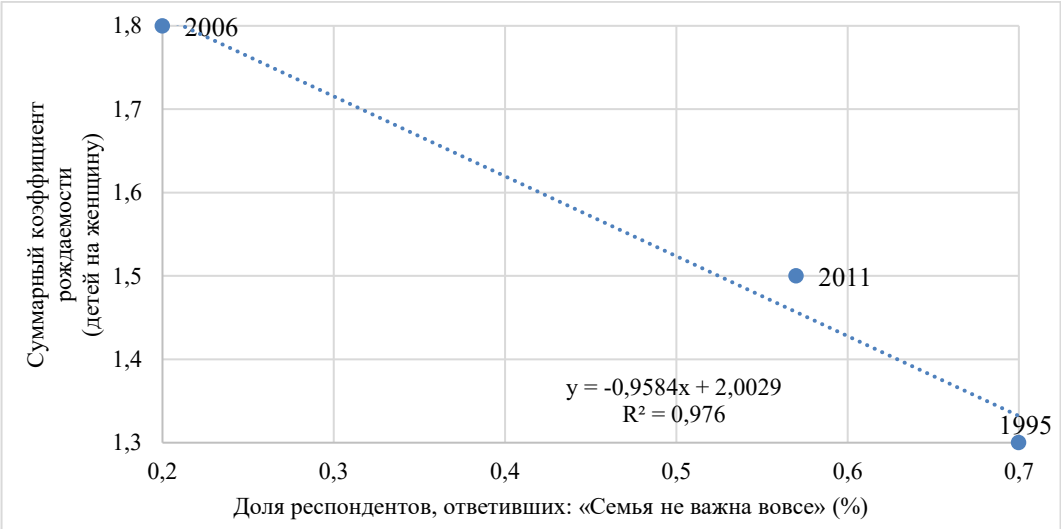

Рис. 1. Взаимосвязь между долей респондентов с крайне низкой ценностью семьи и уровнем рождаемости в России в 1995–2006 гг.

Fig. 1. The relationship between the share of respondents with extremely low family values and the birth rate in Russia in 1995–2006

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁴

⁴ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

Хотя статистически такой вывод основан всего на нескольких точках, он согласуется с гипотезой, что распространение антисемейных взглядов несовместимо с демографическим ростом, тогда как укрепление семейных ценностей может сопровождаться небольшим подъемом рождаемости. Подобный результат перекликается с выводами исследований на материалах WVS о том, что традиционные ценности положительно связаны с ростом показателей рождаемости и брачности и служат его мотивационной основой [12]. В нашем случае мы наблюдаем внутри одной страны (России) аналогичную картину во времени: когда ценностные ориентации сдвигались в сторону более традиционных (меньше людей полностью отвергают семью), рождаемость возрастала. Однако важно подчеркнуть, что корреляционный анализ не выявляет причинности: рост рождаемости в 2000-е гг. мог произойти и по экономическим причинам (улучшение благосостояния, политика поддержки семей), а ценностные сдвиги – быть следствием тех же причин или последствием самой демографической динамики (больше детей – больше акцент на семье).

Помимо брачности и рождаемости, интересны связи ценностей семьи с другими демографическими показателями. В некоторых странах выявлены заметные корреляции с естественным приростом населения. Например, в Кыргызстане доля ответов «семья очень важна» практически идеально положительно связана с общим коэффициентом естественного прироста ($r=+1,00$, $p=0,009$): годы, когда естественный прирост был выше, совпали с более высоким удельным весом респондентов, особо подчеркивающих важность семьи. Аналогичная категория «в целом важна» при этом коррелировала отрицательно с приростом ($r=-1,00$), что обусловлено перераспределением ответов внутри фиксированной совокупности (если больше стали говорить «очень важна», то меньше – «в целом важна»). Тем не менее, сам факт такой синхронности весьма любопытен. В 1990-е гг. в Кыргызстане отмечалось сокращение естественного прироста (из-за падения рождаемости), и одновременно несколько снизилась доля тех, кто говорил о крайней важности семьи (при том, что в целом практически все по-прежнему считали ее важной). Напротив, в 2000-е гг. прирост населения восстановился, и возросла доля именно максималистских ответов «очень важна». Это может отражать общее повышение оптимизма и традиционализма в посткризисный период. На Украине, наоборот, естественный прирост в течение всего исследуемого времени оставался отрицательным (убыль населения), но заслуживающим внимания образом доля респондентов, считающих семью «не очень важной», коррелирует с численностью населения ($r=-0,98$): по мере депопуляции страны (убыли населения) выросла доля людей, несколько снижающих значимость семьи в своих ценностях. Это может отражать как причинное влияние (ухудшение демографической ситуации дестабилизирует семейные устои), так и следствие общего социального кризиса, затронувшего и демографию, и ценности.

В целом, анализ показал, что, хотя абсолютный уровень семейных ценностей в постсоветских странах остается очень высоким, небольшие флуктуации в распределении ответов находят статистическое отражение в демографических изменениях. Там, где отмечался возврат к традиционализму (меньше людей отвергает семью), наблюдалась тенденция к улучшению демографических показателей – росту рождаемости, брачности или замедлению убыли населения. И напротив, периоды

ослабления семейных устоев (пусть и незначительного) сопровождалось неблагоприятными демографическими сдвигами (кризис рождаемости, увеличение разводов). Такие результаты находятся в русле выводов других исследований [12]. Наш анализ дополняет это, показывая сходные тренды во временном разрезе внутри постсоветских стран.

Субъективное здоровье и показатели смертности

Ожидалось, что субъективная оценка здоровья будет связана с объективными демографическими индикаторами здоровья населения – в первую очередь со смертностью. Результаты подтвердили это предположение. Во всех рассмотренных странах доля респондентов, оценивающих свое здоровье как «хорошее» или «очень хорошее», демонстрирует сильную обратную корреляцию с общим уровнем смертности и особенно с младенческой смертностью. Т. е., когда больше людей ощущает свое здоровье хорошим, коэффициенты смертности ниже. К примеру, в России доля людей с самочувствием «хорошее» с середины 1990-х к 2010-м существенно возросла: с ~24% до ~43%, а коэффициент младенческой смертности за тот же период снизился с 18 до 5‰. Коэффициент корреляции между долей ответов о хорошем здоровье и уровнем младенческой смертности составил $r=-0,99$ (на 4 точках), что статистически значимо ($p<0,01$). На рис. 2 отображена эта зависимость: практически идеальная прямая линия, свидетельствующая о том, что улучшение субъективного здоровья населения сопровождалось снижением детской смертности. Аналогичная сильная обратная связь получена для Кыргызстана ($r=-0,99$ между долей «плохое» здоровье и естественным приростом) и Украины ($r=-0,96$ между долей «удовлетворительное» здоровье и общим коэффициентом смертности). Таким образом, субъективные и объективные показатели благополучия в сфере здоровья изменялись синхронно, что согласуется с многочисленными исследованиями о валидности самооценки здоровья как индикатора возможных рисков. Наши данные свидетельствуют, что в постсоветских странах улучшение медицинской ситуации и условий жизни в 2000-е гг. отразилось как в статистике, особенно детей до 1 года, так и в ощущениях людей.

Подобные зависимости обнаружены и в других странах. В Узбекистане во все три периода наблюдений практически все респонденты оценивали свое здоровье позитивно – доля ответов «хорошее» и «очень хорошее» превышала 90%. Поэтому динамики как таковой не было, и связи с показателями смертности статистически не проявились (все корреляции $|r|<0,3$). В то же время в Кыргызстане с середины 1990-х по 2010-е гг. доля людей с «очень хорошим» здоровьем выросла (с ~10% до ~25%), а младенческая смертность упала (с ~30 до ~20‰); корреляция $r=-0,98$. В Армении доля оценок здоровья как «удовлетворительного» существенно сокращалась по мере улучшения ситуации (люди переходили в категории «хорошее»), параллельно естественный прирост перешел из положительного в отрицательный – отсюда сильная отрицательная связь между долей «удовлетворительное» здоровье и естественным приростом ($r=-0,99$, $p<0,05$). Можно предположить, что в Армении 1990-х гг., после распада СССР, многие люди оценивали здоровье как удовлетворительное (не очень хорошее), хотя объективно здоровье могло и ухудшаться из-за стрессов, при этом рождаемость еще превышала смертность. В 2000-е гг. ситуация изменилась: больше людей начали относить свое здоровье к «хорошему», но из-за

низкой рождаемости и эмиграции естественный прирост стал отрицательным. Это весьма необычный случай, когда позитивный субъективный тренд соседствует с негативным демографическим исходом. Мы можем предположить, что здоровье улучшилось преимущественно у старших поколений (снижение стресса и смертности), но молодежь не спешит заводить детей, и население сокращается.

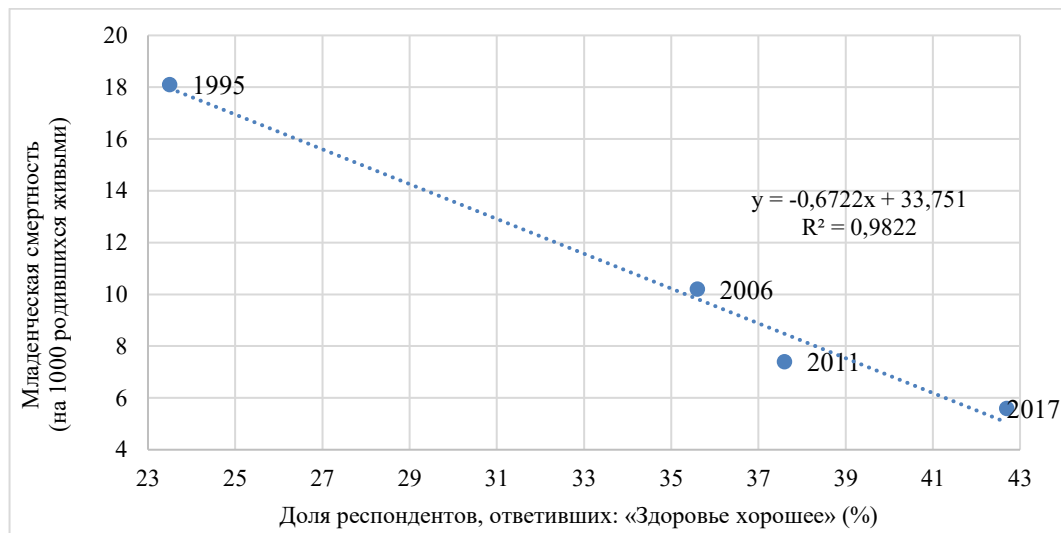

Рис. 2. Взаимосвязь между долей респондентов, удовлетворенных своим здоровьем, и младенческой смертностью в России в 1995–2017 гг.

Fig. 2. The relationship between the share of respondents satisfied with their health and infant mortality in Russia in 1995–2017

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁵

Особо стоит выделить корреляции с уровнем младенческой смертности, поскольку этот показатель четко отражает состояние системы здравоохранения и уязвимость населения. Во всех крупных странах (Россия, Украина, Казахстан) снижение младенческой смертности шло параллельно с ростом субъективного благополучия. В наших данных для России и Украины: доля людей с плохим здоровьем сокращалась, и младенческая смертность тоже падала (на Украине $r = -0,99$ для доли «очень плохое» здоровье и уровня младенческой смертности). Для дополнительной иллюстрации на рис. 3 представлена связь между уровнем неудовлетворенности жизнью и младенческой смертностью в России. Точки (годовые наблюдения) и аппроксимирующая их линия регрессии отражают положительную связь: в годы, когда больше респондентов были совершенно не удовлетворены жизнью, фиксировались и более высокие показатели детской смертности. Здесь доля респондентов, поставивших оценку «1» (полностью не удовлетворены), за период 1995–2017 гг. снизилась с 16% до 1.7%, а младенческая смертность – с 18 до ~5‰; корреляция между ними

⁵ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ: [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

составила $r=+0,99$ (положительная, так как оба показателя падали вместе). Т. е. по мере роста удовлетворенности жизнью (убывания доли крайне несчастных) важнейшие показатели здоровья нации улучшались. Что еще раз подтверждает тесную взаимосвязь субъективного и объективного благополучия, отмеченную в ряде исследований [7]. Наш частный случай демонстрирует аналогичное на временной шкале внутри страны.

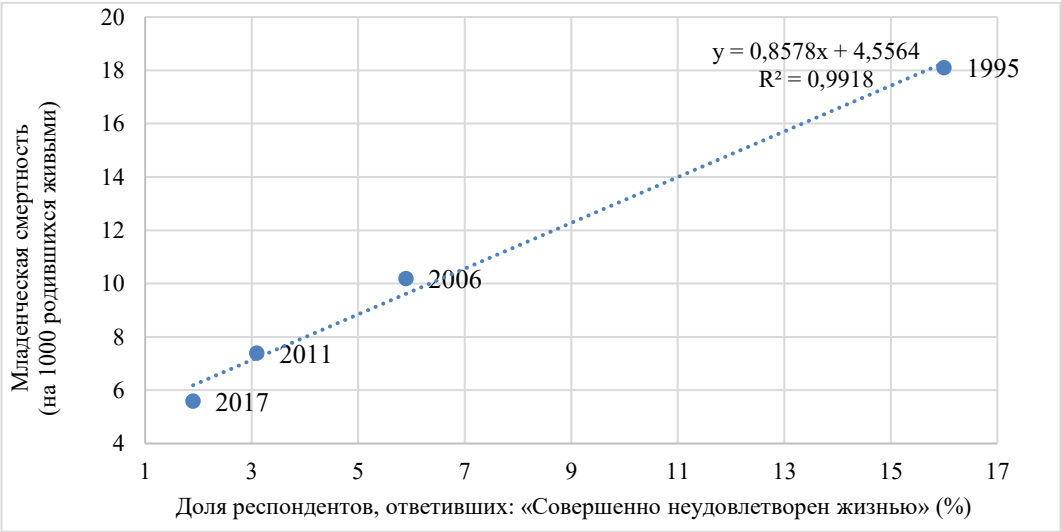

Рис. 3. Взаимосвязь между долей респондентов, крайне неудовлетворенных своей жизнью, и младенческой смертностью в России в 1995–2017 гг.

Fig. 3. The relationship between the share of respondents extremely dissatisfied with their life and infant mortality in Russia in 1995–2017

Источник: рассчитано автором на основе данных межгосударственного Статкомитета СНГ⁶

Удовлетворенность жизнью и социально-демографические индикаторы

Анализ связей показателей жизненной удовлетворенности с демографическими переменными в принципе выявил ожидаемые тренды: рост субъективного благополучия сопровождался положительными изменениями, а рост недовольства – негативными. В большинстве случаев такие корреляции проявлялись через опосредующие факторы (здоровье, экономика), которые напрямую влияли и на демографию, и на настроение масс. Тем не менее, некоторые примеры из практики заслуживают внимания.

В России доля абсолютно довольных жизнью людей (оценка 10 из 10) значительно увеличилась с 1990-х к 2010-м (с единиц процентов до ~20%), и одновременно наблюдался рост рождаемости (TFR с 1,2–1,3 до 1,7). Корреляция между долей «очень довольных» (10 баллов) и суммарным коэффициентом рождаемости составила $r=+0,99$. Можно интерпретировать это так: периоды подъема оптимизма

⁶ База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный Статкомитет СНГ : [сайт]. URL: <https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iframeId=44176> (дата обращения: 25.04.2025).

и удовлетворенности (например, экономический рост 2000-х гг.) создавали и более благоприятный фон для рождения детей. Напротив, доля крайне неудовлетворенных (оценка 1) резко падала, как уже отмечалось, наряду с улучшением показателей смертности. На Украине динамика удовлетворенности жизнью была менее однородной, но примечательно, что доля людей с очень низкой удовлетворенностью (оценки 1–3) возросла в 1990-е и 2000-е гг. параллельно с углублением демографического кризиса (высокой смертностью, эмиграцией). Так, доля ответов «3 из 10» на Украине коррелирует с коэффициентом младенческой смертности ($r=+0,99$) – в те годы, когда больше людей давало жизни низкую оценку, детская смертность была выше. Хотя это основано на четырех наблюдениях, такая согласованность указывает на серьезное влияние общих социальных условий: экономические потрясения 1990-х гг. на Украине привели одновременно к ухудшению здоровья (рост смертности) и падению удовлетворенности населением своей жизнью.

В Армении и Кыргызстане корреляции по удовлетворенности жизнью тоже укладываются в общую картину. В Армении, к примеру, увеличение доли респондентов, давших жизни высокие оценки 7–8 баллов, сопровождалось ростом брачности и снижением смертности: для доли ответов «8» баллов и коэффициента брачности $r=+1,00$; для доли «7» баллов и коэффициента смертности $r=-0,99$ (на 3 точках). Эти почти идеальные коэффициенты, скорее всего, обусловлены монотонным трендом – в посткризисные годы люди стали немного счастливее (реже ставили низкие оценки, зачастую умеренно высокие), одновременно и социально-демографическая ситуация стабилизировалась (смертность снизилась, люди чаще вступали в брак). В Кыргызстане за короткий период доля «средне-довольных» (5–6 баллов) немного снижалась, и параллельно росла эмиграция (коэффициент миграционного оттока), давая корреляцию $r=-0,98$. Это может отражать то, что наиболее неудовлетворенные жизнью люди предпочитали уехать из страны, либо общий кризис (повлекший отток населения) негативно влиял на настроение оставшихся. Однозначно интерпретировать сложно, учитывая малое число наблюдений, поэтому этот аспект необходимо дополнительно исследовать в дальнейшем.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что уровень субъективного благополучия населения тесно сопряжен с демографическим благополучием общества. Когда люди больше довольны жизнью и уверены в будущем, у них, как правило, лучше здоровье, они чаще создают семьи и планируют детей, что отражается в повышении рождаемости и снижении смертности. Напротив, массовое недовольство, апатия и пессимизм в переходных экономиках 1990-х гг. сопровождалось демографическими «штормами» – спадом рождаемости, всплеском смертности, ростом разводимости и миграционным оттоком. Показатели, касающиеся счастья и демографии, находятся в русле мировой науки. Согласно World Happiness Report, существует положительная связь между счастьем и такими показателями, как ожидаемая продолжительность жизни, социальная поддержка и низкий уровень коррупции; счастье является не только следствием, но и фактором развития, влияющим на демографическое поведение [8]. В частности, более счастливые люди чаще вступают в брак и заводят детей, а кроме того, дольше живут [17]. В контексте изучаемых стран впору сослаться на примеры: в России 2000-х гг. на фоне роста удовлетворенности выросла рождаемость, тогда как на Украине 1990-х гг.

неудовлетворенность сочеталась с демографическим спадом. Конечно, существуют и исключения – к примеру, высокая рождаемость в отдельных традиционных обществах может соседствовать с низкой удовлетворенностью из-за экономических проблем, однако на агрегированном уровне мы видим преобладание синхронности позитивных и негативных тенденций.

Обсуждение

Полученные корреляционные зависимости подтверждают, что ценностные ориентации населения и демографические процессы находятся во взаимозависимости. В странах постсоветского пространства, переживших глубокие социальные трансформации, такие взаимосвязи прослеживаются особенно четко. Это служит косвенным подтверждением того, что ценностные установки населения служат важной мотивационной основой демографического поведения. Мы обнаружили, что традиционные ценности семьи в определенной мере способствуют демографической устойчивости: там, где население сохраняет высокий приоритет семьи (и тем более усиливает его), наблюдаются более высокие показатели рождаемости и брачности. Так, на Украине увеличение доли людей, считающих семью чрезвычайно важной, сопутствовало росту числа браков и снижению разводов, что указывает на укрепление института семьи. Россия показала пример того, как снижение даже небольшой прослойки людей с антисемейными установками коррелировало с повышением рождаемости. Данный результат согласуется с идеей о том, что распространенность антисемейных настроений противоположна демографическому росту и подтверждает важность укрепления семейных ценностей в качестве мотивационных основ для преодоления депопуляции.

С другой стороны, одна декларация ценностей без подкрепления социальными реалиями не гарантирует демографического благополучия. К примеру, в Кыргызстане почти все респонденты заявляли о высочайшей важности семьи, однако это не предотвратило рост разводимости, мало того, показатели ценностей и разводов росли параллельно. Это свидетельствует о сложном характере переходного периода. Возможно, семейные ценности в подобных обществах носят столь универсальный характер, что перестают дифференцировать поведение – каждый говорит о важности семьи, т. к. это «правильно», но реальные решения о браке или разводе диктуются экономическими и институциональными факторами (парадокс Лаппера). Также стоит отметить, что между ценностями и демографией может существовать двунаправленная связь: ценности мотивируют поведение (рождаемость, брачность), и одновременно демографическое воспроизводство ценностных групп влияет на агрегированные ценности общества (демографический отбор ценностей). Это подчеркивает необходимость учитывать ценностный фактор в демографической политике.

Что касается субъективного здоровья, обнаруженные сильные корреляции с показателями смертности не удивительны, но важны с практической точки зрения. Они подтверждают, что опросные данные о самочувствии могут служить дешевым и оперативным инструментом мониторинга общественного здоровья. В странах бывшего СССР, где статистика может запаздывать или быть неполной, высокие доли населения, жалующегося на плохое здоровье, должны

рассматриваться как сигнал к принятию действенных мер в системе здравоохранения. Наши данные по России и Украине продемонстрировали, что улучшение объективных показателей (смертности) шло рука об руку с улучшением субъективной оценки самочувствия людей. Это вселяет уверенность в том, что инвестиции в здравоохранение и социальную сферу не только продлевают жизнь, но и реально ощущаются населением, повышая его удовлетворенность. В то же время сохраняющиеся значительные группы людей с неудовлетворительным здоровьем (например, на Украине, по имеющимся данным, около четверти опрошенных оценивают здоровье как плохое или очень плохое) означают потенциально высокие риски для системы здравоохранения и требуют внимания.

Удовлетворенность жизнью оказалась синтетическим индикатором, отражающим широкий спектр факторов – от экономического благополучия до уровня безопасности – и в нашем анализе она ожидаемо коррелирует с демографическими трендами. Рост удовлетворенности сопряжен с улучшением демографической ситуации, что, вероятно, опосредовано через экономику: люди довольны, когда растет доход, есть стабильность и уверенность, а это же ведет и к росту рождаемости (люди решаются заводить детей) и снижению смертности (прогрессирует медицина, люди меньше испытывают стресс и пр.). Обратим внимание на то, что в России, увеличение удовлетворенности жизнью даже на доли балла в 2000-е гг. совпало с демографическими улучшениями. На Украине же низкая удовлетворенность 1990-х гг., возможно, не была причиной демографического кризиса, но его хорошим барометром – эти процессы шли рука об руку. Таким образом, субъективное благополучие можно рассматривать как интегральный индикатор социально-демографического здоровья общества. Политика, направленная на повышение удовлетворенности жизнью граждан, вероятно, будет иметь и позитивный демографический эффект.

Наши результаты в целом соответствуют выводам, полученным в других странах на аналогичных данных. Так, например, исследование ценностей и рождаемости в Европе показало, что традиционные установки (особенно религиозность и ценность семьи) увеличивают вероятность рождения детей, тогда как эмансипативные установки (терпимость к внебрачным отношениям, отрицание необходимости детей) ведут к снижению рождаемости [14]. Мы наблюдали подобные закономерности на данных постсоветских стран: в секулярной России отказ от ценности семьи ассоциирован с провалом рождаемости, а в более традиционных странах высокой рождаемости (Узбекистан, Кыргызстан) практически никто не говорит о том, что семья не важна – эти общества сохраняют традиционные ценности, тем самым поддерживая высокий уровень рождаемости (хотя со временем и там прослеживается снижение рождаемости ввиду экономических факторов). Кроме того, глобальные исследования счастья фиксируют сильную корреляцию между удовлетворенностью жизнью и различными индикаторами развитости страны – от ВВП на душу населения до ожидаемой продолжительности жизни [8]. Наш анализ подтверждает наличие такой корреляции применительно к постсоветским странам, хоть и в упрощенном виде (через связь удовлетворенности с показателями смертности и рождаемости). В части субъективного здоровья полученные зависимости совпадают с результатами мета-анализов: согласно обзору Дж. Лорем, высокая самооценка здоровья связана с более низким риском смерти даже при контроле объективных

медицинских показателей [7]. В наших данных это вылилось в почти точное совпадение трендов субъективного и объективного здоровья на популяционном уровне.

Следует подчеркнуть, что выявленные корреляции не означают прямой причинно-следственной зависимости. Движение ценностей и демографических индикаторов во времени обусловлено множеством скрытых факторов, и корреляционный анализ не позволяет выделить, что является причиной, а что следствием. К примеру, уменьшение разводимости на Украине могло произойти из-за изменения состава населения (отток мужского трудоспособного населения на работу в Европу мешает оформлять и расторгать браки), а не обязательно под влиянием укрепления ценности семьи. Однако одновременное изменение ценностных и поведенческих переменных говорит о наличии связи между ними, будь то через прямое влияние или через латентные переменные. Наше исследование ограничено всего пятью странами постсоветского пространства, причем для некоторых из них (Узбекистан) данных было недостаточно. Не рассматривались также такие страны, как Беларусь, Молдова, Казахстан, из-за отсутствия сопоставимых данных. Это направление видится нам обширным полем для будущих исследований. Кроме того, мы анализировали ценностные ориентации только на агрегированном уровне (доли ответов в целом по стране). Перспективным продолжением было бы изучение взаимосвязи на индивидуальном уровне – например, будут ли иметь респонденты с определенными ценностями больше детей через несколько лет, как это делается в панельных исследованиях [18]. Тем не менее, даже на макроуровне наш анализ продемонстрировал ряд устойчивых закономерностей, важных для понимания процессов в постсоветских обществах.

Заключение

В рамках исследования выполнен комплексный сопоставительный анализ динамики ценностных ориентаций и демографических показателей в нескольких постсоветских странах. Несмотря на ограниченность данных, результаты указывают на тесную взаимосвязь между состоянием массового сознания (отношением к семье, здоровью, к жизни) и демографическими процессами. В постсоветский период, характеризующийся то кризисами, то подъемами, ценности выступали чувствительным «барометром» происходящих социальных изменений, а в некоторых случаях – и фактором, смягчающим негативные тенденции. Основные выводы можно резюмировать следующим образом:

1. Семейные ценности в целом остаются чрезвычайно высокими в странах бывшего СССР, однако их незначительные колебания во времени коррелируют с демографическими показателями: укрепление ориентации на семью ассоциируется с ростом рождаемости и брачности, тогда как относительное ослабление (пусть и на высоком уровне) сопровождает демографические кризисы. Это подчеркивает роль семейной идеологии в воспроизводстве населения.

2. Субъективное здоровье населения тесно связано с уровнем смертности. Улучшение здоровья по ощущениям людей сильно коррелирует со снижением смертности, особенно младенческой. Несмотря на то, что самооценка здоровья совершеннолетних граждан напрямую не влияет на младенческую смертность, такая зависимость является индикатором степени успешности политики в сфере

здравоохранения. Это подчеркивает важность самооценки здоровья как индикатора и подтверждает необходимость политики, повышающей реальное здоровье и субъективное самочувствие граждан.

3. Удовлетворенность жизнью показала сильные связи с демографическим благополучием: периоды роста удовлетворенности совпадают с улучшением демографической ситуации (высокая рождаемость, низкая смертность), а периоды массового недовольства – с демографическими провалами. Повышение уровня удовлетворенности населения может рассматриваться как самостоятельная цель государственной социальной политики, которая наряду с прямыми мерами способна опосредованно улучшить демографические перспективы.

Можно сделать вывод о том, что для стран постсоветского пространства, переживающих демографические вызовы, учет ценностного измерения представляет существенную важность. Демографическая политика, ориентированная только на материальные стимулы, может быть усилена мерами по укреплению института семьи, пропаганде здорового образа жизни, повышению удовлетворенности граждан социальными условиями. Люди, которые верят в ценность семьи, здоровы и довольны своей жизнью, – это фундамент, на котором строится устойчивое развитие и воспроизводство нации.

Полученные корреляции свидетельствуют о наличии статистически значимой связи, однако не дают точных причинно-следственных моделей. Полученные выводы позволяют конкретизировать поле дальнейшего исследования взаимосвязей между ценностями и демографическим поведением. В заключение стоит отметить, что настоящее исследование имеет большие перспективы для продолжения. В 2024 г. была запущена восьмая волна Всемирного исследования ценностей, в котором было анонсировано увеличение числа стран-участниц, а также расширение списка вопросов и появление в нем дополнительных тематических блоков. Полевой этап исследования должен завершиться в 2026 г., и остается надеяться на то, что рассмотренные нами выше вопросы будут включены в анкеты этой волны исследования. Что позволит нам увеличить количество наблюдаемых точек в изучаемых странах и подтвердить статистическую значимость полученных выводов.

Список литературы

1. Ярмоленко, Л. В. Социологический аспект исследования демографического поведения // Таблицы научный обзор. 2016. № 1–1 (6). С. 125–129. EDN [VLKDGd](#).
2. Рославцева, М. В. Ценностная проблематика в национальных проектах Российской Федерации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 129–144. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.10](#). EDN [BAYVWD](#).
3. Herre, B. Family is Very Important to People Around the World // Our World in Data. 2024.
4. Koshy, P. Higher Education and the Importance of Values: Evidence from the World Values Survey / P. Koshy, H. Cabalu, V. Valencia // Higher Education. 2022. Vol. 85, No. 6. Pp. 1401–1426. DOI [10.1007/s10734-022-00896-8](#).
5. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // R. Inglehart, W. E. Baker // American Sociological Review. 2000. Vol. 65, No. 1. Pp. 19–51. DOI [10.2307/2657288](#).
6. Антонов, А. И. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / А. И. Антонов, В. М. Карпова, С. В. Ляликова [и др.]. Москва: МАКС Пресс, 2020. 486 с. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](#).

7. *Lozem, G.* Self-Reported Health as a Predictor of Mortality: A Cohort Study of its Relation to other Health Measurements and Observation Time // G. Lozem, S. Cook, D. A. Leon [et al.] // Scientific Reports. 2020. Vol. 10, No. 4886. DOI [10.1038/s41598-020-61603-0](https://doi.org/10.1038/s41598-020-61603-0).
8. *Helliwell, J. F.* World Happiness Report 2023 / J. F. Helliwell, R. Layard, J. D. Sachs, [et al.]. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2023. ISBN 978-1-7348080-5-6. 166 p.
9. *Diener, E.* Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index // American Psychologist. 2000. Vol. 55 (1). Pp. 34–43. DOI [10.1037/0003-066X.55.1.34](https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34).
10. *Гудкова, Т. Б.* Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 123–136. DOI [10.17223/1998863X/43/12](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/12). EDN [XWEBPF](https://www.edn.ru/XWEBPF).
11. *Lesthaeghe, R.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and Development Review. 2010. Vol. 36. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
12. *Kurilo, I. O.* Emancipative Values and Reproductive Behavior in the Context of Demographic Modernization (Based on World Values Survey 2017–2020 data) // Demography and Social Economy. 2021. Vol. 2. Pp. 37–52. DOI [10.15407/dse2021.02.037](https://doi.org/10.15407/dse2021.02.037).
13. *Карабчук, Т. С.* Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? / Т. С. Карабчук, А. П. Кечетова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5 (141). С. 251–270. DOI [10.14515/monitoring.2017.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14). EDN [YLYOBO](https://www.edn.ru/YLYOBO).
14. *LaPiere, R. T.* Attitudes vs. Actions // Social Forces. 1934. Vol. 13, No. 2. Pp. 230–237. DOI [10.2307/2570339](https://doi.org/10.2307/2570339).
15. *Латин, Н. И.* Динамика ценностей населения реформируемой России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 2. С. 141–150. EDN [CYIAGM](https://www.edn.ru/CYIAGM).
16. *Антонов, А. И.* Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 134–150. EDN [NCQBHZ](https://www.edn.ru/NCQBHZ).
17. *Veenhoven, R.* Greater Happiness for a Greater Number: Is that Possible and Desirable? // Journal of Happiness Studies. 2010. Vol. 11. P. 605–629. DOI [10.1007/s10902-010-9204-z](https://doi.org/10.1007/s10902-010-9204-z).
18. *Vogl, T. S.* Differential fertility makes society more conservative on family values // T. S. Vogl, J. Freese // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, No. 14. Pp. 7696–7701. DOI [10.1073/pnas.1918006117](https://doi.org/10.1073/pnas.1918006117).

Сведения об авторе

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); РИНЦ SPIN-код: [3221-1093](https://elibrary.ru/3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; принята в печать 14.07.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MOTIVATIONAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF THE POPULATION IN POST-SOVIET COUNTRIES

Maria V. Roslavtseva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

For citation: Roslavtseva, M. V. Motivational Aspects of Demographic Behavior of the Population in Post-Soviet Countries. DEMIS. Demographic Research. 2025. Vol. 5, No. 3. Pp. 25–44. DOI [10.19181/demis.2025.5.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.2.2). (In Russ.)

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the relationship between human motivational activities, presented as key value orientations, such as attitude towards family, subjective health and life satisfaction, and key demographic indicators, such as fertility, mortality, marriage and divorce, natural growth, etc., in post-Soviet countries, based on World Values Survey (WVS) data and national statistics from 1990 to 2021. Pearson correlation coefficients have been calculated between the changes in various categories of responses to questions about value and changes in demographic indicators in countries of the Former USSR, including Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan. The results indicate strong and statistically significant correlations between changes in well-being and demographic trends, such as increased birth rates and decreased mortality, when family values strengthen and life satisfaction increases. Conversely, weakening traditional attitudes leads to demographic decline. Mechanisms underlying these relationships are discussed in the context of second demographic transition theory. Results are compared to international studies using WVS data, suggesting the importance of population value systems as a motivational basis for success in state demographic policies, as there is a statistical correlation between values and resulting demographic behaviors. This conclusion extends to measures related to not only reproductive attitudes and birth rates, but also subjective well-being, self-preserving behaviors, and other demographic outcomes.

Keywords: values, demographic indicators, family, health, life satisfaction, World Values Survey, post-Soviet countries, correlation analysis

References

1. Yarmolenko, L. V. Sotsiologicheskii aspekt issledovaniya demograficheskogo povedeniya [The sociological aspect of demographic behavior research]. *Tavricheskiy nauchnyy obozrevatel'* [Tavrichesky scientific observer]. 2016. No. 1-1 (6). Pp. 125–129. (In Russ.).
2. Roslavtseva, M. V. Value Issues in National Projects of the Russian Federation. *Science. Culture. Society*. 2025. Vol. 31, No. 2. Pp. 129–144. (In Russ.).
3. Herre, B. Family is Very Important to People Around the World. *Our World in Data*. 2024.
4. Koshy, P., Cabalu, H., Valencia, V. Higher Education and the Importance of Values: Evidence from the World Values Survey. *Higher Education*. 2022. Vol. 85, No. 6. Pp. 1401–1426. DOI [10.1007/s10734-022-00896-8](https://doi.org/10.1007/s10734-022-00896-8).
5. Inglehart, R., Baker, W. E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65, No. 1. Pp. 19–51. DOI [10.2307/2657288](https://doi.org/10.2307/2657288).
6. Tsenosti semeyno-detnogo obraza zhizni (SeDOZH-2019): Analiticheskiy otchet po rezul'tatam mezhregional'nogo sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya [The values of a family and child lifestyle (FacI-2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study]. Ed. by A. I. Antonov, S. V. Lyalikova et al. Moscow : MAKSS Press Publ., 2020. 486 p. ISBN 978-5-317-06320-7. DOI [10.29003/m857.SeDOJ-2019](https://doi.org/10.29003/m857.SeDOJ-2019). (In Russ.).
7. Lore, G., Cook, S., Leon, D. A., [et al.]. Self-Reported Health as a Predictor of Mortality: A Cohort Study of its Relation to other Health Measurements and Observation Time. *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10, No. 4886. DOI [10.1038/s41598-020-61603-0](https://doi.org/10.1038/s41598-020-61603-0).
8. Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., [et al.]. *World Happiness Report 2023*. New York : Sustainable Development Solutions Network, 2023. ISBN 978-1-7348080-5-6. 166 p.
9. Diener, E. Subjective Well-Being: The Science of Happiness and a Proposal for a National Index. *American Psychologist*. 2000. Vol. 55 (1). Pp. 34–43. DOI [10.1037/0003-066X.55.1.34](https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.34).
10. Gudkova, T. B. Conceptualization of the Second Demographic Transition: Heuristic Potential and Limitations of the Theory. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2018. No. 43. Pp. 123–136. DOI [10.17223/1998863X/43/12](https://doi.org/10.17223/1998863X/43/12). (In Russ.).
11. Lesthaeghe, R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36. Pp. 211–251. DOI [10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x).
12. Kurilo, I. O. Emancipative Values and Reproductive Behavior in the Context of Demographic Modernization (Based on World Values Survey 2017–2020 Data). *Demography and Social Economy*. 2021. Vol. 2. Pp. 37–52. DOI [10.15407/dse2021.02.037](https://doi.org/10.15407/dse2021.02.037).
13. Karabchuk, T. S., Kechetova, A. P. The Number of Children and Family Values: Are there Cohort Differences in Europe? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. No. 5. Pp. 251–270. DOI [10.14515/monitoring.2017.5.14](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14). (In Russ.).
14. LaPiere, R. T. Attitudes vs. Actions. *Social Forces*. 1934. Vol. 13, No. 2. Pp. 230–237. DOI [10.2307/2570339](https://doi.org/10.2307/2570339).

15. Lapin, N. I. Dinamika tsennostey naseleniya reformiruyemoy Rossii [Dynamics of values of the population of reformed Russia]. *Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*. 1996. No. 2. Pp.141–150. (In Russ.).

16. Antonov, A. I. Current Demographic Trends and Analytical Projections, the Problems of Family and Demographic Policy in the Social State. *Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2010. No. 4. P. 134–150. (In Russ.).

17. Veenhoven, R. Greater Happiness for a Greater Number: Is that Possible and Desirable? *Journal of Happiness Studies*. 2010. Vol. 11. Pp. 605–629. DOI [10.1007/s10902-010-9204-z](https://doi.org/10.1007/s10902-010-9204-z).

18. Vogl, T. S., Freese, J. Differential Fertility Makes Society More Conservative on Family Values. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117, No. 14. Pp. 7696–7701. DOI [10.1073/pnas.1918006117](https://doi.org/10.1073/pnas.1918006117).

Bio note

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI SPIN code: [3221-1093](https://www.rsci.spin.ru/3221-1093); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Received on 19.05.2025; accepted for publication on 14.07.2025.

The author has read and approved the final manuscript.